

Сергей Думаков

Одностороннее движение

Если напрячь мозги – а у Оксаны, как оказалось, времени на это было предостаточно – она думала о смерти совсем недавно. Позавчера. Мысль была очень быстрой, мимолетной: Боря стоял у зеркала в ванной комнате, она бросала белье в стиральную машину; оборачиваясь, она поймала взглядом его отражение и очень остро ощутила, что любит его. "Наверное, лучше было бы, если бы он умер первым, – почему-то подумала она. – Мне было бы не так тяжело жить одной, если бы он ждал меня с той стороны".

А что, если той стороны нет? Вопреки логике, именно этот вопрос пришел ей в голову, когда Боря вывернул руль и пошел на обгон. Оксана даже не успела заметить "Волгу", которая летела им навстречу, а мысль уже была тут как тут. Что, если ты умрешь... а там пустота? И больше ничего нет – ни прошлого, ни будущего, ничего? Тогда, вдруг решила она для себя, так даже лучше: если Боря умрет первым, он ничего и не узнает. А я буду думать, что встречу его после смерти, даже если это и не так. А когда умру – все закончится и для меня.

Любить вообще тяжело, Оксана поняла это, пожалуй, слишком поздно. Они познакомились с Борей еще в школе, но по-настоящему сблизились лишь на втором курсе технического университета. Она училась на факультете полиграфии, он – на ракетном. Она была брюнеткой с длинными волосами и красивой, как ей казалось, грудью; он был безумно поглощен своими чертежами и расчетами. Как-то вечером она заглянула в аудиторию к преподавателю издательского дела, чтобы вернуть брошюру с конспектами – и увидела Бору: он сидел на заднем ряду, почти под потолком (амфитеатр аудитории всегда напоминал ей фильмы о Гарри Поттере) и был чем-то похож на Николу Тесла. Буйные черные волосы, пронзительный взгляд, абсолютная отрешенность... и в то же время абсолютная преданность. Хотела бы я, подумала тогда Оксана, чтобы кто-нибудь чувствовал что-то похожее ко мне. От этой мысли по ее спине пробежал приятный холодок, и на следующий день она под села к Боре в университетской столовой между парами.

Когда Оксана увидела "Волгу" и поняла, что на узкой дороге машинам не разъехаться – справа от их "Жигулей" медленно катил длинный автобус, слева насмешливо торчало полуметровое ограждение виадука – тот университетский обед, одно из самых ярких переживаний за все время их десятилетнего супружества, вновь вспыхнул в ее голове. Удивленный Боря. Две сосиски на тарелке с бледно-голубым орнаментом по периметру. Наполовину выпитый стакан компота в граненом стакане: на дне – абрикос, несколько ягод изюма и чернослив. Стулья с деревянными, жутко неудобными спинками и круглыми алюминиевыми ножками, одна короче другой. Его свитер. Ее блуза. Тубус, сиротливо прислонившийся к

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>) и
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>)

подоконнику. Пачка салфеток, сложенных веером в пластиковом стаканчике. Сочная июньская зелень, подмигивающая из окна: хей, ребята, у вас все впереди, вы бессмертны, вы же боги.

Они не были богами – Оксана свыклась с этой мыслью достаточно быстро, тем же октябрём, когда поняла, что беременна. Перспектив съехать с комнатки в общежитии было не больше, чем найти нормальную работу. В тот момент, когда лицо водителя "Волги" начало вытягиваться (это был почти карикатурный кавказец, в словно нарочно безразмерной кепке и со стремящимися отправиться в самостоятельный полет бровями), она вспомнила слова доктора в местной поликлинике, к которой пошла на прием буквально спустя пару дней после положительного теста. "Что скажете?" – спросила тогда Оксана. Крепко сбитая женщина средних лет устало посмотрела на нее и, криво улыбнувшись, ответила: "Боже ж мой, ну ты и дура!" Лицо кавказца напомнило ей ее собственное – Оксана ожидала услышать все что угодно, но только не это. Ей вдруг захотелось объяснить этому врачу, этой циничной женщине, что все совсем не так, как она думает. Она вовсе не шлюха и не имеет привычки ходить на все эти идиотские вечеринки по пятницам (или в любой другой день недели), после которых на следующее утро девчонки шепчутся на занятиях, а парни гогочут в курилке. И она вовсе не из тех, кто бросается на каждого встречного, лишь бы не чувствовать себя одной – в университете хватало и таких – но врачу было все равно, она даже не повернула головы, когда Оксана робко попыталась все это сказать. Она лишь писала что-то быстрым, уверенным почерком в еще тонкую больничную карточку (это со временем она превратится в распухший альбом с рвущимися на свободу лентами кардиограмм и десятками сложенных вдвое листков с результатами анализов мочи) – а Оксана с каждой секундой все сильнее чувствовала внутри себя вину. Она чувствовала эту вину физически: чуть ниже пупка, чуть выше лобка. Эта вина росла в ней. Она пила ее кровь, она питалась ее жизненными силами, она говорила окружающим: смотрите, я здесь. Можете думать обо мне что угодно. Можете осуждающе смотреть на меня, можете хихикать вслед, можете цокать языком. Я здесь, и я никуда не уйду.

Боря тоже увидел "Волгу" – и тоже понял, что столкновения не избежать. Она определила это по внезапно побелевшим костяшкам пальцев, которые сжимали дурацкий черный руль. Они не были богами, особенно здесь и сейчас, когда черная машина с круглыми фарами неслась на них со скоростью, близкой к сотне. Оксана узнала эту машину, потому что у ее отца была точно такая же, только белая. Он купил ее еще в советские времена, по очереди. Когда отец узнал о беременности, то наорал на нее и даже дал пощечину. Вообще говоря, он не был скуп на пощечины, и Оксана часто говорила матери, что она не должна терпеть такое обращение (и с возрастом отец становился все грубее и раздражительнее), но сама помнила его другим – высоким, подтянутым, держащим ее за руку в длинной очереди на карусель в Центральном парке. Она помнила его улыбку – без сомнения, искреннюю – и огромную, размером с воздушный шар, розовую сладкую вату на палочке, которую отец неожиданно вытащил из-за спины. Вкус этой ваты она

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>) и
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>)

ощутила в ту же секунду, когда он шлепнул ее по лицу тыльной стороной ладони – несильно, Оксана даже не почувствовала тяжелого обручального кольца на его среднем пальце. Сладкая вата таяла на губах, и ей хотелось, чтобы эта очередь не кончалась никогда: человек, держащий ее за руку – и человек, который водил ее по выходным в кино, а когда в город приехал московский зоопарк, купивший билеты на все семь дней гастролей – любил ее просто так, просто потому, что она есть. Даже будучи совсем ребенком, она с легкостью читала это по его глазам. То, что этот человек постарел – и иногда переставал себя контролировать – не делало его другим. Он все так же любил ее, она это точно знала. И эта злосчастная пощечина каким-то странным образом поставила точку во всех метаморфозах, приключившихся с ней в тот год. Оксана поняла, что окончательно превратилась из одной девушки в совершенно другую, и теперь от остальных людей, какими бы родными они не были и как долго не прожили вместе с ней под одной крышей, ее отделяет прочный, но нерушимый барьер. От всех, кроме одного: Боря все так же восхищенно смотрел на нее, и держал ее за руки, и целовал, подкравшись незаметно, в ямку чуть ниже затылка, и в его глазах она видела то же, что и в глазах человека, державшего ее когда-то за руку в очереди на карусель.

Отец умирал долго и мучительно. Поликистоз, острая почечная недостаточность, необходимость в пересадке, отсутствие донора. Гемодиализ. У отца не было последних слов, у него было три недели последних криков: мать поседела за первые две. Оксана приезжала к ним почти каждый день, по несколько часов сидела у кровати, на которой лежало раздутое тело, в котором она с трудом узнавала отца. Боря предлагал помощь, хотел быть рядом – и однажды даже приехал, но Оксана попросила мать не открывать дверь, когда он позвонил в домофон. Она не хотела, чтобы он видел все это. Она любила его – очень сильно любила, даже несмотря на то, что они два года назад вдрызг разругались из-за ребенка – и понимала, что он достаточно умен. Она не хотела разговоров о наследственности. Она не хотела, чтобы в их отношениях появилась жалость. Боря уже тогда зарабатывал достаточно денег, чтобы относиться к ней с жалостью, но не относился – за что ему огромное спасибо, но лишний раз рисковать тоже не стоило.

Когда расстояние между машинами сократилось до нескольких метров, Оксана нашла в себе силы улыбнуться. За пару часов до смерти отца – он как раз замолчал, чтобы через несколько минут зайти последней, особенно жуткой серией воплей – она впервые в жизни обратилась к богу. Не к христианскому богу, не к богу язычников – она неожиданно для самой себя обратилась к существу (или духу), которое, как она полагала, либо создало все сущее, либо наблюдало за ним. Оксана иногда чувствовала ощущение Присутствия, ощущение Высшей Воли – но только в тот момент осознанно вступила с этой силой в диалог. Диалогом, конечно, называть это было самонадеянно, ведь ей так никто и не ответил, но ведь важен сам факт, верно? Слушая тяжелое, частое дыхание умирающего отца, Оксана попросила своего бога о сделке. "Господи, – мысленно произнесла она. – Если ты есть, если ты

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>) и
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>)

меня слышишь, пожалуйста, окажи услугу. Я ведь всегда была хорошей девочкой. Я не сделала в этой жизни ничего плохого. Я никому не желаю зла. Человек, рядом с которым я сижу, часто бил и меня, и мою мать, но я все же здесь - поэтому, думаю, заслужила маленькое одолжение". Сначала она хотела попросить об услуге для Бори, но не смогла: когда общаешься на таком уровне, невозможно лгать даже в мелочах. И поэтому она попросила об услуге для себя, и когда она это сделала, ей стало легче.

Боря нажал на тормоз. Раздался долгий, очень тяжелый звук - похожий на паровозный гудок - и Оксану потянуло вперед. Водитель "Волги", должно быть, тоже затормозил, потому что в какой-то момент звук усилился, стал громче настолько, что стекла в "шестерке" заходили ходуном. Оксана удивленно наблюдала за тем, как задрожало лобовое стекло: оно вдруг стало напоминать реку в ветреный день. Волны вибрации поднимались от капота и плавно, безмятежно, поднимались к крыше. Там они ударялись о резиновый бортик и исчезали, растворяясь в воздухе. Квадратный бумажный ароматизатор, висевший на зеркале заднего вида, точно намагниченный потянулся к дрожащему стеклу: он качнулся, и Оксана увидела на нем надпись "РОССИЯ". Под углом она читалась как "РОСЯ". Автобус все так же ехал сбоку - это была огромная двухсекционная "Кароса", и сейчас "шестерка" находилась точно напротив соединительной части. Из окна автобуса на них смотрели люди - не все, но смотрели. Забавно, но на каждом из них застыло одно и то же выражение: странное сочетание ужаса, возбуждения и брезгливости. Маленькая девочка в ярко-желтой кофточке, выставив в их направлении указательный палец, что-то говорила маме, на коленях которой сидела. Голова девочки была обращена в сторону матери, но глаза - ярко-голубые - неотрывно следили за "Жигулями". *Мама, смотри.*

Правая рука Бори оторвалась от руля и потянулась к ее коленке. В обычной ситуации Оксана сочла бы такой жест милым и даже сексуальным - у него был странный талант, своего рода иммунитет к пошлomu - но сейчас она вдруг отчетливо поняла, насколько он, этот жест, жалок и беспомощен. Вряд ли он вообще относится к ней. Ему нужно за что-то ухватиться, зафиксировать себя - маловероятно, что Боря в эти мгновения помнит о ее существовании. Она с интересом наблюдала, как его рука, точно стрела строительного крана, начала опускаться: рукав синей рубашки, намокший от пота; подпрыгнувшие на пару сантиметров часы - не самые дорогие, но все же Swatch; напрягшиеся мышцы ладони. А что, если на той стороне действительно ничего нет? Что, если последними словами, которыми она сказала ему, станут "Ладно, как скажешь, только давай еще на рынок заедем?" Что, если за стеклянными фарами черной "Волги" еще большая чернота, бесконечная чернота? А он - неужели она в последние секунды жизни увидит его именно таким: раздавленным, испуганным, преисполненным чувством первобытной жажды жизни, которое вытеснило из его гениальной головы все остальное?

Это было бы очень несправедливым. Да, ее жизнь была не такой, какой могла бы быть - и уж точно не такой, о какой она мечтала.

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>) и
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>)

Она так ни разу и не выехала за границу, не снялась ни в одном фильме, не записала ни одного альбома и не стала издателем ни одного глянцевого журнала. Когда Боре предложили ту должность в проектном институте, она обрадовалась – они оба обрадовались, но она радовалась за двоих. "Теперь ты можешь перестать искать работу, – говорил он. – Думаю, нам хватит". Она тоже так думала, а еще она думала, что аборт был хорошей идеей. Если бы она сохранила ребенка – ребенка, которого ненавидела с первых же дней – сейчас ее жизнь превратилась бы в ад. Боря был против аборта, он очень злился, говорил, что хочет детей больше всего на свете и ему наплевать, что думает по этому поводу ее отец. Он говорил, что найдет хорошую работу, станет зарабатывать достаточно, чтобы они могли позволить себе хорошую квартиру – но в единственный раз за всю совместную жизнь Оксана была неумолима. После процедуры они не разговаривали неделю – и какое-то время после этого их отношения еще оставались натянутыми, но в итоге все наладилось. А когда Боре предложили работу, Оксана окончательно поняла, что была права. Теперь у нее было свое время. Не время на семью. Не время на Борю. Не время на ребенка. Ее личное время – которое она могла тратить и на семью, и на Борю, и еще на тысячу разных вещей. Время. То, чего у нее не было никогда. Она могла бы заняться журналом. Могла бы потихоньку разработать концепцию, найти спонсоров, набрать команду, сделать пилотный выпуск. Она бы договорилась с магазинами, ресторанами, ночными клубами – там бы ее журнал раздавали бесплатно. А потом, когда ей бы начали звонить насчет рекламы, когда она начнет продавать свои первые полосы..

Ничего такого не случилось. Идея с журналом ей быстро наскучила. Она знала, что и как нужно делать. Она знала, как сделать интересное издание. Она даже знала людей с деньгами... но, несмотря на все это, ей было скучно. Всякий раз, когда она садилась за клавиатуру, чтобы начать что-то писать, перед ее глазами возникала рука доктора, прыгающая по страницам ее больничной карточки. Оксана так и не узнала, что именно написала та женщина, но не очень-то и удивилась бы, если бы всю страничку заполняло одно слово: *ДУРАДУРАДУРАДУРА*.

Но, несмотря на это, ей нравилась ее жизнь. Не потому что она была беззаботной (это было не так), и не потому, что она была безбедной. Боря зарабатывал хорошие деньги – но им обоим пришлось платить за это стандартную цену. Часто он приходил домой после одиннадцати, единственный выходной день большей частью тратил на сон, о том, чтобы поехать в отпуск даже на неделю, не могло быть и речи. За полгода такой работы ее муж стал нервным и раздражительным, иногда в его глазах (с возрастом она не утратила способности читать по лицу) она видела своего отца. Она пыталась представить себе, что будет лет через двадцать, и приходила в ужас: выходило, что, в конце концов, круг замкнется, и все закончится пугающе знакомым образом – только теперь, наоборот, на кровати будет кричать она, чувствуя, как холодеющую руку держит вернувшийся из могилы отец. Это было самым страшным ее кошмаром – кошмаром, в котором Боря

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>) и
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>)

превращается в злобного старика - так что успокаивал лишь тот договор, который она заключила давным-давно.

Правда, теперь она поняла кое-что важное. Бампер "Волги" коснулся бампера "Шестерки", у Оксаны перехватило дыхание: ей показалось, что она вдруг очутилась в невесомости. Она увидела, как правая рука Бори вновь дернулась к рулю, в то время как левая сжала его да такой степени, что жилы на запястье набухли и стали похожи на гитарные струны. Вибрации на лобовом стекле прекратились, резиновое крепление начало рваться - кузов "шестерки" постепенно деформировался, так же, впрочем, как и кузов "Волги". Оксана видела, как кавказца тоже несет вперед, его глаза еще смотрели вперед, а голова уже начала движение вниз: у "Волги" более массивный руль, скорее всего, водитель встречной машины не переживет столкновения с ним. Паровозный гул тормозов стих и сменился кошмарным скрежетом, апофеозом всех скрежетов в мире - как если бы миллион гвоздей одновременно заскреб бы по листу металла. Оксана почувствовала, как задняя часть "Жигулей", словно решив избежать неминуемого, начала взмывать вверх.

Она поняла кое-что важное, и это касалось того разговора, который она имела с собственным богом. Он обманул ее. Не сдержал обещание. Да и вообще, с чего это вдруг она решила, что он обещал ей что-то? Столько лет она жила, согреваемая мыслью о том, что ей удалось заключить соглашение с высшим разумом - и вот сейчас, в этот самый момент, выясняется, что все это было всего лишь глупым предрассудком? Но ведь тогда все теряет смысл. Тогда получается, что на той стороне действительно ничего нет, и теперь неважно, кто из них умрет первым. И вот это уж точно несправедливо, потому что она не просила о чем-то из разряда невыполнимого - строго говоря, в сравнении с обычными мольбами верующих ее просьба была вполне невинной. Она просила об одном: *чтобы ее собственная смерть была быстрой и безболезненной* - неужели это так сложно? Неужели эта просьба так нелепа? Или, может быть, это слишком много для такой женщины, как она?

Две машины продолжали сливаться в уродливое целое, мгновения тянулись бесконечно, издевательски долго - и, похоже, Боря и этот нелепый кавказец воспринимали все совсем иначе. Или нет? Или это только кажется? Оксана чувствовала, что может замечать любые, самые малейшие изменения вокруг - но главное, что она могла воспринимать их, реагировать на них. А на лице Бори все так же висел почти детский испуг - и теперь он ломал баранку уже двумя руками, Оксана видела трещины, на прочном, как ей казалось, материале рулевого колеса. Если руль сломается, подумала она, то человек, которого я люблю больше всего на свете, разmozжит себе голову под бесконечный гудок клаксона.

Время растягивалось. Казалось, уже дальше некуда - но оно все тянулось и тянулось, как качественная жевательная резинка. Если это и есть "быстро", подумала Оксана, то тут уже налицо не обман, а издевательство. Разумеется, она не думала, что умрет так - никто не думает, то умрет так - но в даже самых страшных

Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru/>),
"Stephen King Russian Site - Русский сайт Стивена Кинга" (<http://stking.narod.ru/>) и
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" (<http://www.kingclub.ru/>)

своих снах, самых страшных предположениях не могла представить подобного. И ведь дело даже не в скорости. Дело в том, как холодно, как спокойно она наблюдает за собственной смертью. Значит, все-таки пустота? О чем еще может говорить тот факт, что ее мозг так яростно цепляется за жизнь, так трогательно отказывается принять свершившееся? Никого нет. И ничего нет.

О второй части своей просьбы - безболезненная - Оксана вспомнила лишь в самый последний момент, когда вдруг сообразила, что никто не будет никого ждать, ни там, ни здесь; когда ее взметнувшиеся волосы коснулись опустившегося солнцезащитного козырька; когда краем глаза она увидела, как Боря нажимает своим высоким лбом на клаксон; когда она с ужасом поняла, как могут *растягиваться* дни и недели, в то время как ты лежишь на кровати и слушаешь свой бесконечный крик; когда волосками на щиколотках она почувствовала приближение острой, искореженной стали; за мгновение до того, как она вспомнила, что может чувствовать (*была вынуждена вспомнить*), и за мгновение до того, как время остановилось навсегда.